

⁸⁰ Османов Н. Ногайские и кумыкские тексты. СПб., 1883. С. 43.

⁸¹ Ногайдынъ кырк баптири... С. 31.

⁸² РГАДА. Ф. 127. Оп. 2. Д. 32. Л. 16.

⁸³ Столь точная дата не вполне ясна. Абу Бекр родился около 572 г.

⁸⁴ Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960. С. 228, 229.

⁸⁵ При этом едва ли правомерно видеть в концептуальных поисках Эдиге стремление принизить или даже унижить ханский род (см., напр.: Усманов М.А. О трагедии эпоса и трагедии народа // Идегей. Татарский народный эпос. Казань, 1990. С. 252; Юдин В.П. Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая... // Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. Алма-Ата, 1992. С. 54). Авторитет Джучидов был освящен традицией, и ногаи всегда с почтением относились к династии, несмотря на жестокие конфликты с отдельными ее представителями.

⁸⁶ Население западной части Улуса Джучи к тому времени было уже довольно сильно исламизировано. Действия, предпринятые Эдиге, адресовались в первую очередь жителям восточных степей, составившим его опору.

⁸⁷ Другим важным средством обоснования гегемонии мангытского вождя стала эпизация его облика. Уже в первые десятилетия после смерти Эдиге его личность и биография начали обрастать легендарными подробностями (Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. Избр. тр. Л., 1974. С. 377, 378). Эпический ореол основателя мангыто-ногайской бийской династии бросал отсвет и на его потомков. Знаменитый эпический цикл о сорока богатырях, по справедливому мнению Д. Девиза, воплощал в себе «взгляд на единство, сплоченность и легитимность Ногайской Орды» (DeWeese D. Op. cit. P. 518–519). О династической идеологии ногаев см. также: Абилеев А.К., Абилеев Е.А. Политическая история Ногайской Орды в XV–XVII вв. // Основные аспекты историко-географического развития Ногайской Орды. М.; Терекли-Мектеб, 1991; Юдин В.П. Указ. соч. С. 52 и особенно DeWeese D. Op. cit. Index; *Noghay*.

⁸⁸ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1619 г. Д. 2. Л. 209, 288, 289.

⁸⁹ Там же. 1604 г. Д. 3. Л. 58; Акты времени Лжедмитрия I-го. С. 100.

⁹⁰ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1619 г. Д. 2. Л. 290; 1633 г. Д. 1. Л. 33.

⁹¹ См., напр.: Там же. Оп. 1. Д. 2. Л. 180 об.

⁹² Там же. 1627 г. Д. 3. Л. 15.

⁹³ Там же. Оп. 1. Д. 2. Л. 12; Д. 6. Л. 84 об.

⁹⁴ Там же. 1585 г. Д. 6/№. Л. 3; 1586 г. Д. 5. Л. 2.

⁹⁵ Люк Ж. Указ. соч. С. 485.

⁹⁶ Бейтковский И.В. Указ. соч. С. 80, 81; РГВИА. Ф. 405. Оп. 6. Д. 3076. Л. 33 об., 34.

V.V. T r e p l o v. Islam and Priesthood in the Nogai Horde in the XVth – XVIIth cc.

The Nogai Horde had been formed during the second half of the XVth c. on the territory of the left bank of the Lower Volga, Bashkiria, and a large part of Kazakhstan as a result of the Golden Horde demise. It had been an equal and potent part of the Moslem system of politics. Irrespective of the late conversion to Islam and preservation of some heathen beliefs, a number of formal features enable the author to come to the conclusion that the Nogais represented at the time a Moslem society. Some historical sources describe the religious rituals, which were practiced in the Nogai Horde. High social status of the priesthood in the Nogai Horde has been attained and preserved not only due to religious functions, but also due to their literacy. Professional clergy, though, according to the author's view, was hardly numerous.

© 2002 г., ЭО, № 4

О.А. Соловьева

ДОЛЖНОСТНЫЕ СИМВОЛЫ В БУХАРСКОМ ЭМИРАТЕ В XIX в.

Одна из важнейших задач в области исследования традиционной политической культуры – изучение проблем, связанных с политической символикой. Долгое время рассмотрение символов власти осуществлялось преимущественно в рамках социаль-

ного символизма, а также в контексте описания традиционной материальной или духовной культуры этноса. В политологическом словаре политическая символика определяется как «совокупность выразительных средств, придающих политической жизни, политическому действию, различным формам материализации политики явный, особенно очевидный, подчеркнутый либо, напротив, скрытый смысл»¹. Категория «политические символы» может рассматриваться в различных аспектах. Существует много символических знаковых систем, вовлеченных в политический процесс. Некоторые из них являются выразителями определенного должностного статуса в системе управления.

В схеме административного управления Бухарского эмирата выделяются два крупных блока: верховная власть и подчиненная власть. Первая принадлежала эмирам узбекского племени мангыт. Династия правила с середины XVIII в. Наиболее известные правители: Шах-Мурад (1785–1801), эмир Хайдар (1801–1826), Насрулла (1827–1860), Музаффар (1860–1885), Абдулахад (1885–1910), Алимхан (1910–1920). Власть их была наследственной. Подчиненная ей система управления состояла из двух подуровней. Первый имел свою внутреннюю иерархию, в которую входили главы округов – *беки/хакимы*, назначаемые эмиром, и правители областей – *амлокдоры*, назначаемые беками/хакимами. Причем при смене правителей округов одновременно менялось и низшее звено, методы управления и функции тех и других были сходны. Второй подуровень – это местное управление, включавшее глав городских кварталов и правителей кишлаков. Руководители на местах выбирались населением.

Должностные символы занимают автономное место среди многообразия властных символов. Оказавшись непосредственно в системе властных отношений, многие предметы материальной культуры, в зависимости от сложившейся ситуации приобретают новые функции.

В данном случае представим ряд элементов культуры жизнеобеспечения оседлого населения Средней Азии не в обычном контексте традиционного жилища и одежды, а как символическое звено в системе властных отношений Бухарского эмирата.

К символическим знакам власти относились отдельные элементы одежды (внешние знаки отличия) и жилища (символические знаки места), отличавшие представителей власти от остального населения.

Символические знаки места, т.е. жилищные комплексы глав политических институтов и крупных должностных лиц, отличались, как правило, богатым внутренним убранством и изяществом внешней отделки. Великолепный дворец верховного правителя символизировал могущество всего Бухарского эмирата. Правители округов и областей – беки и амлокдоры – жили в домах-крепостях, соответствующих их должностному статусу и общественному положению. Отличия сохранялись и на уровне местного управления. Представителям правящей элиты необходимо было иметь жилища, непохожие на остальные, так как при посещении округов эмиры обычно останавливались в домах беков, где, естественно, должны были находиться в наилучших условиях и быть приняты с особыми почестями. Когда эмир приезжал в Карши, то жил в помещении, расположенном в бекской цитадели². Дворец шаарского бека служил временным жилищем эмиру во время его пребывания в Шааре³. И это можно сказать почти обо всех бекствах Бухары.

Практическая необходимость иметь дома-крепости была вызвана еще и тем, что некоторые беки являлись правителями областей, где преобладало кочевое население. Им иногда требовалась защита от набегов подчиненных племен в случае недовольства последних их политикой и методами управления в крае. Нередко происходили и междоусобицы между самими беками, которые стремились усилить свою власть путем расширения территории округа или фактического подчинения соседнего правителя.

Символический знак места был связан, по крайней мере, с двумя принципами. Первый из них заключался в «вертикальности» жилища. Существовала прямая зависимость между занимаемым местом во властной иерархии и высотой жилищного комплекса. Так, дома немусульман, например, среднеазиатских евреев⁴, должны были

быть ниже домов мусульманского населения. «Вертикальность» проявлялась также в зависимости от ранга людей, входивших в сферу управления: от амлокдора (а иногда и от аксакала) до эмира. У бухарского эмира был самый высокий арк, жилища беков и амлокдоров были выше жилищ рядового населения. К тому же жилище бека располагалось на естественном или искусственном возвышении в виде холма. Об этом свидетельствуют имеющиеся в распоряжении исследователей топографические данные и описания почти всех бекских крепостей. В качестве примера можно привести Гузарский округ, представлявший собой сравнительно небольшое и незначительное бекство: «Крепость Гузар расположена на правой стороне реки Карасу, правый берег крутой и несколько выше левого, на этом возвышении есть бугор или насыпь, на которой построена цитадель, т.е. помещение бека. Небольшое возвышение окружено глинобитной стеной, в 2,5 или 3 сажени вышиной, в виде четырехугольника, каждая стена в длину не более 50 сажень – одни ворота или въезд с южной стороны. Внутри расположены постройки, занятые беком... Город имеет вид большого обыкновенного кишлака»⁵.

С первым принципом неразрывно связан второй – горизонтальное направление. В его основе лежала обособленность жилища правителя, его бо́льшая или меньшая удаленность от жилых комплексов остального населения города или кишлака. Арк эмира и дворцы в крупных бекствах являлись своеобразными «городами в городах».

Важно подчеркнуть особенность, связанную с символическими знаками власти вообще и с жилищами в частности. Она заключалась в постоянном воссоздании символического знака. Дома правителей различных уровней управления, как правило, располагались в одних и тех же местах на протяжении веков. В этом отношении, безусловно, показателен бухарский арк, имеющий многовековую историю. Считается, что в стране с древней земледельческой культурой крепость была местопребыванием правителей в течение не менее 1500 лет, а, возможно, и значительно дольше⁶. Пережив за это время множество разрушений, она вновь воссоздавалась на прежнем месте как символ государственной власти. Новые постройки часто возводились на развалинах древних цитаделей. Так, эмир Абдулахад на месте древней крепости на высоком насыпном кургане построил в Шааре дом, который стал постоянным местопребыванием амлокдора⁷. Таким образом, сохранялась, если можно так сказать, качественная основа символа власти, а изменялась лишь его оболочка. Даже если во дворцах поселялись новые правители, внешний облик жилища оставался прежним. Это произошло со многими шахскими домами бывших независимых владений, присоединенных к Бухарскому эмирату во второй половине XIX в. Например, одна из крепостей в низовьях р. Вандж, построенная, по преданию, дарвазским правителем Азизханом, перешла в управление амлокдора долины Ванджа⁸. Воссоздание или захват символического знака власти свидетельствовали о его значении и роли как для тех, кто имел эту власть, так и для подчиненных.

К должностным символическим знакам относились также отдельные элементы одежды. Временно в этот комплекс входил и так называемый ярлык, вручаемый человеку, удостоенному эмиром какого-либо чина. Согласно данным Н. Ханькова, ярлыки были трех видов: 1) с печатями эмира и его секретаря (первая находилась на лицевой стороне, вторая – на обороте), 2) с печатями эмира и *инака* (один из довольно высоких чинов в ханстве), расположение которых было таким же как в первом документе, 3) с печатью одного эмира⁹. Они вручались согласно разряду чина. Низшие чины в Бухарском эмирате получали ярлыки первого и второго видов, высшие чины – третьего. Ярлык вкладывали в чалму: он заменял приказы и объявления о назначении. По некоторым сведениям, полученный документ должны были носить три дня¹⁰. Все это время он являлся знаком абсолютного авторитета и почета. Окружающие с уважением относились к человеку, носившему в чалме ярлык, поздравляли его с дарованной милостью эмира. Причем обида, нанесенная владельцу ярлыка в данный период, приравнивалась к обиде, нанесенной самому эмиру¹¹, и, вероятно, соответственно наказывалась.

Следует отметить, что представители власти на местах и без наличия у них специальных символов выделялись из среды обычного населения. Часто они отличались своим внешним видом, т.е. на первый план выходил визуальный язык общения между управляющими и подчиненными. Одним из маркеров должностной власти был головной убор¹². Существовала определенная должностная ранжированность повязывания головных уборов, не позволявшая нарушать общепринятые традиции. Безусловно, чалма чиновников и самого эмира была выполнена из более дорогих материалов (широкое распространение получила тончайшая индийская кисея – *мисколи*¹³). Есть сведения не только о способах повязывания чалмы, но и об ее орнаментальной специфике. Будучи в Чарджоуском бекстве, Л.Е. Дмитриев-Кавказский отмечал, что у престолярда выпущенный с левой стороны конец чалмы в большинстве случаев был украшен цветными полосками. «У среднего и высшего общества этот конец загнут кверху и заправлен между тубетейкой и чалмой; во время молитвы его опускают вниз»¹⁴. Ряд примеров свидетельствует об имеющихся региональных особенностях, связанных с головными уборами.

В число символических знаков власти и отличительных элементов костюма входил халат. Наряду с выполнением функции обычной одежды, он служил показателем властных полномочий, которое осуществляло то или иное лицо в системе управления. При этом изначально большое значение имели материал, цвет, орнамент халата. Безусловно, халаты должностных лиц отличались более дорогими материалами, как и вся одежда в целом.

В литературе есть немало свидетельств того, что существовали запреты для простого народа носить одежду из того или иного материала. О.А. Сухарева отмечала, что само название *канауса-шохи* (букв. «царский»), возможно, указывало на то, что одежду из этой ткани носили только члены семьи эмира. В подтверждение своего предположения она ссылается на факты, приводимые П. Небольсиным и Е.М. Пещеревой¹⁵. Однако халаты должностных лиц различались не только материалом (шелк, полушелк, бархат, парча и др.). Имело значение и то, где та или иная ткань была изготовлена. Так, чиновники аппарата (*кушбеги*) в чине *токсабы* в составе ежегодного комплекта одежды получали халат из лучшей каршинской или китабской алачи либо бархата, *джебачи* (латники) – из ходжентской полушелковой алачи, *чухра-огасы* (начальники придворных слуг) – из ферганского атласа¹⁶. Известно, что существовали традиционные центры по производству различных видов тканей, которые отличались прекрасным качеством и очень высоко ценились. Следовательно, для ранжирования халатов имели значение по крайней мере два показателя: материал и место его изготовления.

О значении материала халата как внешнего показателя полноты власти свидетельствуют также исторические данные о придворной гвардии в государстве Саманидов (IX–X вв.), в управлении которым она играла большую роль. Тюркский гулам в первый год службы одевался в «простое платье из хлопчатобумажной ткани *зандани*», на пятом году получал «лучшую полушелковую одежду *дараи*, на шестом – более роскошную одежду *анван*», а на седьмом году службы в качестве отличительного знака надевал «черный войлочный головной убор, расшитый серебром, и дорогую *ганджийскую* одежду»¹⁷.

Общение посредством символов было широко распространенным явлением в культуре любого этноса. Как, например, жена могла написать письмо мужу? Она посылала белье, в которое завертывала немного соломы и кусочек угля. Это означало, что в отсутствие мужа она пожелтела, как солома, и почернела, как уголь от тоски¹⁸. Существовало множество подобных примеров, связанных с различными сферами жизнедеятельности человека. Представители власти, общаясь с подчиненными, часто заменяли словесный язык языком среднеазиатской ткани, понятным обеим сторонам. С. Айни писал в своих воспоминаниях: «Казий дал два куска дешевой нуратинской ткани: «Вот шей себе халат. Его величество устал от стихов». Я догадался, что эмир

на меня рассердился. Подарок верховного казиза указывал на это, ибо подобная ткань на базаре стоила не более 1,5 рублей. Такой подарок был для меня оскорблением»¹⁹. Таким образом, в определенных случаях ткань приобретала дополнительные функции и значение. У оседлого населения среднеазиатских ханств она была одним из наиболее семантически богатых и ярко окрашенных элементов традиционной культуры.

Вступивший на трон эмир Музаффар разослал во все бекства подарки. Самаркандский правитель получил черную лошадь, украшенную всем черным, и черные же халаты, что должно было означать «весьма нерадостное грядущее». И действительно, вскоре глава округа был назначен беком в Гузар, а спустя еще некоторое время заключен в бухарскую тюрьму и казнен²⁰.

Подобный визуальный язык общения мог использоваться, в частности, во время приема эмиром жалоб и прошений у населения, как, например, в случае, описанном С. Айни. Когда жители Чиракчи ходили с жалобой к бухарскому эмиру Абдулахаду, то «Посланцы приготовили двести черных кошм. Эти кошмы они натянули на себя, просунув голову в прорезанные отверстия, и сплошь, кроме головы и шеи, покрылись черной кошмой. По древним преданиям, вид этот означал крайнюю степень невыносимого угнетения»²¹.

Цвет халата также указывал на иерархическое положение управляющих. У бухарцев и хивинцев считалось большой честью получить в подарок от хана халат огненного цвета²². Зачастую право носить светло-красную одежду имели только те семьи, главы которых получили от правителя подобный подарок.

Немаловажное значение имели орнамент халата и его расположение. По количеству золотного шитья на одежде можно было определить, в каком ранге находился чиновник. О низком ранге свидетельствовал халат с узким орнаментом по бортам, о высоком – халат, сплошь покрытый золотым шитьем.

Таким образом, на примере халата видно, как менялся символический знак в случае назначения того или иного лица на должность или же потери им своих полномочий. При этом четко выражено изменение властного коэффициента, а точнее, его падение от наивысшего показателя до нулевого уровня. Материал, цвет и орнамент – три основные составляющие «языка халата». Подобным языком пользовались при назначении на должность или в случае присвоения определенного чина. Он являлся обязательным как внутри властной вертикали (эмир – бек – амлоктор), так и затрагивал связанные с ней многочисленные горизонтальные звенья (назначение уже эмиром или беком казиза, раиса и т.п.). На данном языке общались не только при назначении, но и при подтверждении в должности и одобрении результатов выборов. Так, бек дарил аксакалу халат после избрания того местным населением. Получив от бека извещение о кандидатуре главного казиза в округе, эмир в знак согласия присылал судьбе шелковый халат, после чего казий благодарил бека, даря ему до 10 халатов и лошадь²³.

В период пребывания у власти получение более дорогих или, наоборот, более дешевых халатов означало соответственно повышение или понижение по служебной лестнице. Халат служил маркером запретов и ограничений, узаконенных этикетом в отношении того или иного должностного лица. Например, в приемную к эмиру сначала входили придворные в парчовых халатах, за ними – в шелковых, и лишь потом – в атласных²⁴.

И, наконец, отстранение от власти, как и назначение, влекло за собой изменение в одежде чиновника. Халат был атрибутом занимаемой прежде должности и оставался у человека даже в случае конфискации всего остального имущества. Он мог служить также знаком опалы и лишения властных полномочий, отражая потерю властного коэффициента: например, снятому с должности беку вручали рваный халат и в нем сажали его на видном месте у ворот бекского двора²⁵. Одежда служила в качестве знака наказания – это касалось не только должностных лиц, но и значительной части простых людей. Так, осуществляя контроль за правилами торговли на базаре и обнаружив нарушения, разгневанный чиновник (*раис*), кроме всего прочего, начинал

срывать с провинившихся халаты²⁶. Однако использование данного вида одежды в качестве символа наказания представителей сферы управления было частным вариантом общераспространенного явления. Аналогична его роль и во внутрисемейных конфликтах. Совет родственников мог принять решение наказать неверного супруга следующим образом: распороть его лучший шелковый халат и переделать на одежду оскорбленной жене²⁷. Халат был атрибутом и урегулирования межэтнических разногласий. М.С. Андреев, будучи в 1921 г. в экспедиции в Самаркандской области, зафиксировал конфликт, возникший в результате оскорбления таджиком арабов. Для восстановления дружеских отношений и в знак примирения родственники обидчика вынуждены были устроить угощение и надеть халаты на самых уважаемых арабов²⁸.

Халаты в качестве знаковых символов свидетельствовали о том, пользовалось ли почетом и имело ли авторитет то или иное должностное лицо. Они являлись и неотъемлемыми предметами всевозможных подношений. Обычай дарения халата был широко распространен в быту бухарцев. Ими обменивались семьи жениха и невесты, одаривали почетных гостей и т.д. Подобный обмен наблюдался и в системе управления, о чем свидетельствуют различные источники, в частности «Убайдулла-наме» – ценный памятник по истории Бухарского ханства 1702–1711 гг., времени, предшествовавшего правлению мангытской династии²⁹.

Должностные лица преподносили друг другу халаты по самым различным поводам. Это были подношения сверху вниз по властной вертикали (эмир – бек – амлокдор – аксакал), причем не с обязательным соблюдением строгой подчиненности (эмир – амлокдору, бек – аксакалу и т.д.). Однако при одаривании нижестоящих должностных лиц количество и состав вручаемого зависели от занимаемого ими положения. Преподнесение халатов происходило не только по поводу назначения на должность. Халат входил в состав ежегодного жалованья.

С другой стороны, аналогичный обмен осуществлялся и в обратном направлении, например как часть обязательных ежегодных подношений вышестоящему правителю. Выделялись так называемые официальные обязательные подношения, отражавшие внутреннее содержание системы управления и соподчиненность отдельных ее элементов. Количество и сроки их привоза были определены. Особенно крупных размеров достигали дары, преподносимые верховному правителю ханства, – так называемые *тортук*³⁰. В них обязательно входили разнообразные дорогие халаты, количество которых было определено для каждого главы округа. Несколько раз в год беки привозили подарки эмиру, число которых зависело прежде всего от богатства той или иной области. Тортук мог быть разного вида: осенний посылся беками по окончании сбора налогов вместе с собранными деньгами; благодарственный обычно отправлялся вновь назначенным главой округа по прибытии на новое место службы в благодарность за полученную должность.

Чиновники дарили друг другу халаты по случаю больших праздников и различных торжеств. Халат не только являлся предметом дарения, он служил или знаком передачи «части власти» нижестоящему подчиненному, или знаком подтверждения подчинения и службы. Очевидно, многие халаты, специально изготовленные в качестве подарков, переходили по цепочке из одних рук в другие, так и не будучи используемы по своему прямому назначению.

Подарок эмиром халата кому-либо из подданных считался величайшей милостью. Об этом сразу сообщали на базаре глашатаи – «народ будет знать, что почетные халаты пожалованы, а это все, что нужно»³¹. Таким образом, для простых людей преподнесение халата было равнозначно хорошему приему у верховного правителя, рассматривалось как знак милости и почета, проявления к ним уважения независимо от того, что происходило во дворце. Послам других государств халаты дарили еще и потому, что, согласно придворному этикету, перед эмиром все должны были появляться в традиционной бухарской одежде, чтобы не оскорбить священные взоры правителя. Впоследствии, особенно после установления протектората России над Бухарой, если послы отказывались накидывать на себя туземную одежду, то в

качестве альтернативы халаты стелили на кресла так, что «посол садился на то место подкладки, которое пришлось бы под сиденьем, если бы халат был надет на нем»³². Сами же официальные лица объясняли обычаем дарения послам одежды еще до их появления во дворце верховного правителя не столько в качестве знака готовности эмира принять членов посольства, сколько необходимою заменить «испорченное платье, покрывшееся пылью во время путешествия»³³.

Вместе с тем восприятие халата, подаренного главой государства, в качестве величайшей милости с его стороны иногда могло быть использовано эмиром в своих политических интересах. Подобным образом он мог создать видимость благосклонности и убедить как подчиненного, так и окружающих в своей поддержке, т.е. усыпить бдительность тех, кто мог претендовать на власть. Показателен в этом отношении случай, происшедший в 1820 г. в Кокандском ханстве.

Правитель Коканда Омар-хан получил донос на Раджаба-Диванбеги, имевшего в то время высший чин в ханстве. Хан позвал Раджаба к себе, подарил ему халат, и уже на следующий день придворные поздравляли Диванбеги со знаком ханского благоволения. Омар-хан поручил ему отвезти и водворить в качестве правителя в Тюря-Кургане некоего Ир-Назар-бека. Вместе с тем тот же Ир-Назар-бек получил от хана приказ в пути умертвить Раджаба. Во время следования в Тюря-Курган в одну из ночей Раджаба схватили, связали, положили в большой мешок и бросили в реку³⁴. Таким образом, подарок халата верховным правителем мог иногда означать и ложную милость с его стороны.

Кроме взаимных подношений, которые практиковались представителями органов управления, должностные лица могли подарить халат кому-либо из населения в качестве награды. Таким способом расплачивались за привезенные из сражений головы убитых врагов. Согласно данным по Хивинскому ханству, за четыре-пять голов давали простой халат, а самые дорогие и ценные шелковые халаты вручались за 40–50 голов противника³⁵. Победители борцовских поединков – одного из любимых зрелищ бухарцев – также награждались халатом от бека. В Кокандском ханстве после завоевания его Россией получение халата от управляющих и при новой администрации по-прежнему оставалось лучшей наградой³⁶. В подобных случаях преподнесение уважаемым лицом одежды, имеющей отличительные признаки, становилось для человека знаком приобретенного или возросшего авторитета в обществе. Дорогой халат свидетельствовал о престиже его владельца. Однако не все слои и категории населения Бухарского эмирата могли купить некоторые виды подобных халатов – их продажа им запрещалась или ограничивалась.

Халат как символический знак одновременно представлял собой и косвенный денежный эквивалент. Известно, что количество накопленного богатства тоже определяло положение и влияние человека в обществе. В отличие от представителей власти, в обычных семьях такие подарки чаще всего не носили, а хранили как семейное достояние.

Итак, очевидно, что халат являлся не только элементом традиционной одежды, но и внешне зримым показателем власти, авторитета, почта и престижа. Он использовался как в сфере управления, так и при общении власти с народом.

Подтверждением перечисленных выше символических значений халата служит толковое объяснение этого термина в «Сравнительном словаре турецко-татарских наречий» Л.З. Будагова. В нем *халат* определяется как слово арабского происхождения, означающее «почетное платье, коим государи награждали в знак отличия. Ныне (середина XIX в. – О.С.) это слово употребляется в значении вообще награды или подарка, и произносится халатъ»³⁷.

К числу заметных элементов одежды и символических знаков власти непременно следует отнести и пояс (*тагбанд*). Как головной убор и халат, пояса чиновников обычно богато украшались, например, золотыми и серебряными бляхами и пряжками. При этом в случае самостоятельного приобретения пояса должностное лицо знало, какой именно пояс оно должно купить в соответствии со своим служебным положе-

нием. Отличительной особенностью поясов чиновников было не только их варьирование, но и манера ношения. Представители сферы управления обычно надевали пояс поверх халата, все остальные категории населения носили тагбанд под верхней одеждой³⁸, о чем свидетельствуют и фотоматериалы. Причем, по сведениям Н.В. Ханыкова, ходжа калян, один из чинов Джуйбарских ходжей, единственный имел право приходить к эмиру неподпоясанным³⁹. В.В. Крестовский привел описание внешнего вида кушбеги, одетого в темно-зеленый бархатный халат, который был не подпоясан в знак высокого положения министра⁴⁰. По данным А.А. Семенова, в XIX – начале XX в. из всех высокопоставленных должностных лиц Бухары право появляться перед главой государства неподпоясанным имел лишь верховный судья, носивший титул «убежище шариата»⁴¹. Как мы видим, это была дополнительная привилегия со стороны верховного правителя для наиболее значимых людей в государстве.

Таким образом, отдельные элементы одежды и весь ее комплекс в целом соответствовали положению должностного лица на иерархической лестнице как в Бухарском эмирате, так, очевидно, в Хиве и Коканде.

В качестве символического звена в цепи должностных отношений следует представить еще одну категорию предметов материальной культуры, которые напрямую не являлись атрибутами должностной власти. Однако при определенных обстоятельствах они выступали в такой роли. К первой группе подобных знаков можно отнести предметы, не принадлежавшие к традиционной культуре оседлого населения Бухарского эмирата и тем самым попадавшие в разряд необычных, благодаря чему в ряде случаев приобретали значение знаков власти. Ко второй группе – предметы, которые первоначально также воспринимались как необычные, но постепенно заняли место атрибутов власти.

Показателен в этом отношении пример с часами. В Бухаре над главными воротами арка были установлены большие часы-куранты. В.В. Крестовский отмечал, что их «устроили на диво» всем жителям эмирата при эмире Насрулле⁴². Причем при дворе существовала должность часовщика, обязанного следить за всеми часами во дворце и заводить их, а также большие куранты, звонившие каждый час. В приемной кокандского хана на стене висело сразу трое русских часов с белыми циферблатами, расписанными розами⁴³, что подчеркивает ведущую роль институтов управления в процессе аккультурации.

Вскоре часы перешли из разряда диковинных вещей в атрибут должностных лиц. «Нет сановника, который не имел бы часов... Но обращаться с ними не умеет: у одного они без стекла, у другого без стрелок». При этом зафиксированный факт трактуется как необходимость наличия часов у мусульман для определения времени молитвы⁴⁴. Очевидно, данное объяснение несостоятельно: часы представляли собой один из многочисленных знаков власти.

И, наконец, третья группа состояла из предметов, никогда не воспринимавшихся как диковинка. Наоборот, многие из них являлись своего рода маркерами культуры. Так, одним из видов традиционной пищи оседлого населения Бухарского эмирата, как и Хивы и Коканда, был плов. В данном случае не имеют значения многочисленные варианты его приготовления и связанная с этим региональная специфика пищи. Следует подчеркнуть, что он также может рассматриваться в числе знаков власти. Причем пример плова демонстрирует еще одну их особенность, а именно зависимость появления своеобразного властного коэффициента не только от конкретно сложившейся ситуации, но и от значения действующих в ней людей, т.е. возникновение различий по ступеням управления.

На уровне местной власти плов выступал в качестве платы за труд должностных лиц и даже мог стать причиной их смещения с поста. Например, по обычаю городского квартала Бухары, асакал и кайвони, которые всегда участвовали в подготовке любых общественных сборищ, имели право отослать по блюду плова домой. Злоупотребление этим правом было одной из наиболее частых причин их переизбрания⁴⁵.

Таким образом, в отношении представителей верхнего уровня управления прояв-

лся более сакральный характер плова, который приобретал черты, свойственные знакам власти.

Говоря о сфере управления, можно отметить два основных варианта использования плова. Во-первых, угощение этим блюдом было неотъемлемой частью этикета среди должностных лиц, в частности в общении верховного правителя ханства со своим ближайшим окружением. В Бухарском эмирате придворные группами приветствовали хана, затем шли на большой двор, где стоял его трон, и рассаживались в определенном порядке на кирпичной суфе. Тем временем слуги вносили плов. Очень красочно характеризует следующий момент С. Айни: «Придворные кидались вырывать эти блюда у слуг и друг у друга», так как, по их мнению, плов эмира – священен⁴⁶. Сходный этикет прослеживался и в Хивинском ханстве, где члены Совета при верховном правителе прежде чем приступить к решению каких-либо дел насыщались пловом, принесенным для них в больших блюдах, и затем начинали обсуждение⁴⁷. Все происходящее перед общением с главой государства и рассмотрением с ним важных вопросов общественной жизни являлось своеобразным символическим действием, направленным на подтверждение окружением своей преданности хану и получение от него некоторой доли благодати и власти в форме священной еды. Одновременно угощение пловом представляло собой и короткий эпизод в системе восточного гостеприимства.

Во-вторых, существовал не только определенный этикет, о котором говорилось выше, но и обычай определения самого вкусного плова. Прежде всего он отмечен в кругу верховного правителя и его окружения. Нередко в конце дня после выполнения должностных обязанностей бухарский эмир и чиновники собирались за достарханом. Перед этим каждый из них получал котел и должен был приготовить свой вариант плова, после чего определялся лучший. Безусловно, самым прекрасным всегда оказывалось блюдо эмира⁴⁸. Это было своего рода игровое состязание с заранее известным победителем.

Кроме того, в Бухарском эмирате благодаря плову сложился своеобразный обычай общения эмира со своими подданными. Так, в столичном квартале, где останавливался эмир, ужин ему присылало ближайшее медресе. Учащиеся складывали приготовленный ими плов в котлы, а слуга нес их в дом, где находился эмир. Туда же шли и изготовители плова. Главный повар, открыв котлы, попробовал плов. Самый вкусный он выкладывал на блюда эмира, а хозяевам возвращал их котлы, наполненные пловом эмира. Кроме плова они получали еще и деньги⁴⁹. Помимо простого дарообмена здесь усматривался и оттенок священности блюда верховного правителя. Эмир таким образом постоянно поддерживал связь с представителями мусульманской учености, поощряя тех, кто стремился овладеть знаниями. Учащиеся, в свою очередь могли продемонстрировать свое умение, заслужить похвалу эмира и получить от него вознаграждение. Они имели возможность, разделив с ним трапезу, оказаться как бы ближе к официальному главе духовной власти и всемогущему человеку посредством плова как знака власти. Очевидно, что многочисленную группу знаков власти составляли предметы, совершенно разные по своим основным функциям.

Таким образом, в Бухарском эмирате мангытского периода были представлены различные виды символических знаковых систем. Они играли важную роль в жизни государства, будучи неотъемлемой частью политической культуры. Среди многообразия политических символов ведущее место принадлежало должностным.

Примечания

¹ Политология. Энциклопедический словарь / Общ. ред. и сост. Ю.И. Аверьянов. М., 1993. С. 272.

² Петров. Путевые заметки классного топографа тит. сов. Петрова 1894 г. // Сб. географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. XXI. СПб., 1886. С. 72.

³ Маев Н.А. Очерки Бухарского ханства. Ташкент, 1875. С. 25.

⁴ Там же.

⁵ Петров. Указ. соч. С. 75.

- ⁶ Подробнее см.: *Андреев М.С., Чехович О.Д.* Арк (Кремль) Бухары в конце XIX – начале XX в. Душанбе, 1972. С. 13–14.
- ⁷ *Крестовский В.В.* В гостях у эмира бухарского. СПб., 1887. С. 107.
- ⁸ *Семенов А.А.* Этнографические очерки Зеравшанских гор, Каратегина и Дарваза. М., 1903. С. 9.
- ⁹ *Ханыков Н.В.* Описание Бухарского ханства. СПб., 1843. С. 183.
- ¹⁰ Сборник сведений о Средней Азии и русском Туркестане. Статьи неофициальной части «Туркестанских ведомостей» 1885 г. Ташкент, 1885. С. 84.
- ¹¹ Там же.
- ¹² *Соловьева О.А.* Символы, символические знаки и знаки власти (на среднеазиатском материале) // Символы и атрибуты власти: генезис, семантика, функции. СПб., 1996. С. 41–42.
- ¹³ *Сухарева О.А.* История среднеазиатского костюма. Самарканд (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 1982. С. 79.
- ¹⁴ *Дмитриев-Кавказский Л.Е.* По Средней Азии (Записки художника с 199 рис. автора). СПб., 1894. С. 26.
- ¹⁵ *Сухарева О.А.* О ткацких ремеслах в Самарканде // История и этнография народов Средней Азии. Душанбе, 1981. С. 29.
- ¹⁶ Она же. Бухара XIX – начала XX в. (Позднефеодальный город и его население). М., 1966. С. 271–272.
- ¹⁷ *Негматов Н.Н.* Государство Саманидов (Мавераннахр и Хорасан в IX–X вв.). Душанбе, 1977. С. 31.
- ¹⁸ *Наливкин В., Наливкина М.* Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы. Казань, 1886. С. 155.
- ¹⁹ *Айни С.* Бухара (Воспоминания). Кн. 2. Ч. 3, 4. Душанбе, 1981. С. 347.
- ²⁰ *В.В.* О восшествии на бухарский престол эмира Музаффера и об обряде поднятия на кошке // Туркестанские ведомости. 1907. № 159.
- ²¹ *Айни С.* Указ. соч. С. 269.
- ²² *Вамбери Г.* Очерки жизни и нравов Востока. СПб., 1877. С. 55; *Пуцькович Ф.Ф.* Хивинцы и бухарцы. СПб., 1900. С. 11.
- ²³ *Фридрих Н.А.* Бухара. СПб., 1910. С. 65; *Кузнецов.* Дарваз (Рекогносцировка Ген. Шт. Капитана Кузнецова в 1892 г.). Новый Маргелан, 1893. С. 70.
- ²⁴ *Айни С.* Воспоминания. Сталинабад, 1960. С. 296.
- ²⁵ *Логофет Д.Н.* Страна бесправия. Бухарское ханство и его современное состояние. СПб., 1909. С. 64.
- ²⁶ *Ремпель Л.И.* Бухарские записи. Далекое и близкое: страницы жизни, быта, строительного дела, ремесла и искусства Старой Бухары. Ташкент, 1981. С. 45.
- ²⁷ *Наливкин В., Наливкина М.* Указ. соч. С. 216.
- ²⁸ *Андреев М.С.* Некоторые результаты этнографической экспедиции в Самаркандскую область в 1921 г. // Изв. Туркестанского отд. Русского географ. об-ва. Т. 17. Ташкент, 1924. С. 129.
- ²⁹ Убайдулла-наме / Пер. с тадж. А.А. Семенова. Ташкент, 1957. С. 43.
- ³⁰ См.: *Андреев М.С., Чехович О.Д.* Указ. соч. С. 98–102.
- ³¹ *Крестовский В.В.* Указ. соч. С. 171.
- ³² Там же. С. 141.
- ³³ *Носович С.А.* Русское посольство в Бухару в 1870 г. // Русская старина. 1898. № 8–9.
- ³⁴ *Наливкин В.* Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886. С. 115–116.
- ³⁵ *Ифайтеев П.* В плену у хивинцев. М., 1916. С. 37–38; *Пуцькович Ф.Ф.* Указ. соч. С. 4.
- ³⁶ *Хорошихин А.П.* Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. СПб., 1876. С. 99.
- ³⁷ *Будагов Л.З.* Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, со включением употребительнейших слов арабских и персидских и с переводом на русский язык. Т. 1. СПб., 1869. С. 536.
- ³⁸ *Сухарева О.А.* Позднефеодальный город Бухара конца XIX – начала XX века. Ремесленная промышленность. Ташкент, 1962. С. 115.
- ³⁹ *Ханыков Н.В.* Указ. соч. С. 189.
- ⁴⁰ *Крестовский В.В.* Указ. соч. С. 292.
- ⁴¹ *Семенов А.А.* Очерк устройства центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего времени // Тр. Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР (Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии). Т. XXV. Вып. 2. Сталинабад, 1954. С. 31.
- ⁴² *Крестовский В.В.* Указ. соч. С. 289.
- ⁴³ *Хорошихин А.П.* Указ. соч. С. 60.
- ⁴⁴ *Татаршинов А.С.* Семимесячный плен в Бухарии. СПб., 1867. С. 85.
- ⁴⁵ *Сухарева О.А.* Быт жилого квартала города Бухары в конце XIX – начале XX века // Кр. сообщ. Ин-та этнографии АН СССР. Т. XXVIII. М., 1958. С. 38.
- ⁴⁶ *Айни С.* Бухара (Воспоминания). Кн. 1. Ч. 1, 2. Душанбе, 1980. С. 213.
- ⁴⁷ *Веселовский Н.* Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего. СПб., 1877. С. 294.

⁴⁸ *Olufsen O. The Emir of Bokhara and his country. Journeys and studies in Bokhara. L., 1911. P. 581.*

⁴⁹ *Айну С. Бухара... Кн. 1. Ч. 1, 2. С. 103.*

O.A. Solovieva. Status Symbols in Bukhara Emirate in the XIXth Century

Political symbolic has always figured prominently in the research of traditional political culture. The author considers some status symbols, employed by administrative power in Bukhara emirate during the end of XIXth – beginning of XXth cc. Special attention is given to some elements of traditional costume, which, being a sign of authority and prestige, has been used as means of visual communication between rulers and their subjects.

© 2002 г., ЭО, № 4

А.С. Балезин

НАМИБИЙСКИЕ НЕМЦЫ О СЕБЕ И СВОЕМ БУДУЩЕМ

В январе-феврале 2001 г. судьба вновь занесла меня в Намибию. Данная статья – результат повторного анкетирования намибийских немцев, проведенного через 10 лет после первого.

Так уж случилось в моей жизни, что я стал первым отечественным исследователем, получившим возможность работать в архивах и библиотеках Намибии. Было это в 1991 г., ровно через год после того, как эта страна на юго-западе Африканского континента стала независимой. До этого она значилась на картах как «территория, незаконно оккупированная ЮАР».

Предметом моих исследований в Намибии была история формирования и современное положение немецкой поселенческой общины – второй по величине и первой по значению немецкой общины в Африке южнее Сахары. С 1884 по 1915 г. Намибия была германским протекторатом, называвшимся Германской Юго-Западной Африкой. В те годы в стране и сложилась немецкая поселенческая община. В годы южноафриканского правления в Намибии (1915–1990) немецкая община прошла через два интернирования, автоматическую натурализацию, борьбу за сохранение немецких школ и немецкого языка и пр. Ныне немцы в Намибии составляют, по некоторым подсчетам, до 40 тыс. чел. – около половины численности белых в стране, в которой, по оценке, всего живет чуть больше 2 млн. чел.

Результатом той поездки стали несколько статей – научных¹, в том числе в «Этнографическом обозрении»², и популярных³, а самое главное – книга об истории немцев в этой стране⁴. Было несколько публикаций и за рубежом – во-первых, в самой Намибии⁵, а во-вторых, в материалах XVIII Международного конгресса исторических наук (Монреаль, 1995 г.)⁶, где мой доклад был включен в одну из трех «главных тем» – «Народы в диаспоре».

Что изменилось за эти 10 лет? Это ведь было первое десятилетие независимого развития. Первый знак независимости – собственная валюта, намибийский доллар с портретом героя антиколониальной борьбы рубежа XIX–XX вв. Хендрика Витбоя. Деньги эти получили хождение взамен прежнего южноафриканского ранда, но привязаны к нему (меняются один к одному) и вместе с ним подвержены инфляции – нынче за один американский доллар дают около восьми намибийских, а 10 лет назад – около трех рандов.

С одной стороны, в городах стало явно больше богатых чернокожих граждан, едущих на дорогах «Мерседесах» и живущих на недавно появившихся огромных виллах. С другой стороны, значительно возрастает число бедняков. Государство стре-